

Светлана
ДЕМИДОВА

Игрушечное сердце

*истории
любви*

Светлана Демидова
Игрушечное сердце

«Автор»

2010

Демидова С.

Игрушечное сердце / С. Демидова — «Автор», 2010

ISBN 978-5-699-42750-5

Лариса до сих пор любит кукол. Не каких-нибудь там пухлых розовощеких пупсов из пластика, но настоящих фарфоровых барышень старинной работы, в кружевных платьях и панталончиках. Иногда ей снится мальчик с серьезным лицом и длинными, как у девочки, темными локонами. Он прижимает к груди удивительной красоты куклу в соломенной шляпке с перьями и цветами.

И Лариса просыпается от собственного крика: «Отдай!» Похожая на куклу, хрупкая, ухоженная, очень красивая, Лариса не любила длительных связей и обязывающих к чему-либо отношений. Но вот наконец нашелся тот, кто смог разбить ее ледяное спокойствие и затронуть запертое на ключик сердце... Вот только есть ли у куклы сердце?..

ISBN 978-5-699-42750-5

© Демидова С., 2010

© Автор, 2010

Светлана Демидова

Игрушечное сердце

Ей опять снился мальчик с серьезным лицом и длинными, как у девочки, темными локонами. Он прижимал к груди удивительной красоты куклу в соломенной шляпке с перьями и цветами. Из-под смятого детской рукой пышного платья торчали кукольные ножки в изящных красных туфельках. На туфельки спускались многоярусные кружева тонких белоснежных панталончиков. Ей очень хотелось иметь эту куклу. В этом часто повторяющемся сне она обязательно отнимала у мальчика его сокровище. Просыпалась обычно от собственного крика «Отдай!» и неприятного, болезненного щемления в груди.

* * *

Ларисе не нравилось слово «любовник». От него несло пошлостью и скукой. Наверное, потому что мужчины, коих принято именовать этим словом, ей очень быстро надоедали. Оно и понятно: все, что становится постоянным, в конце концов делается пресным и скучным. Ни одного мужчину Лариса не удерживала возле себя более двух месяцев и всегда сама заканчивала отношения. Резко. Хирургически. Отрезала – и все. Некоторые мужчины сразу соглашались с этим решением и больше никогда не звонили. Другие цеплялись за нее, пытались вернуть, но она всегда оставалась непреклонной. Сигналом к тому, что пора отрезать от себя очередной мужской экземпляр, являлось как-то враз наваливающееся ощущение непроходимой скуки. Лариса вдруг понимала, что при следующей встрече все пойдет по давно отработанному сценарию: ужин, поцелуи, объятия, постель и... все. Завтра снова то же самое: ужин, поцелуи, объятия, постель... И послезавтра то же, и послепослезавтра... Всегда одинаково, однообразно и скучно... скучно... скучно...

Конечно, Лариса читала в журналах и на женских сайтах о том, как разнообразить интимные отношения, чтобы они не приедались, но, представив себя в костюме Евы, на шпильках и в лепестках роз, начинала безудержно хохотать, и желание встретиться с поклонником сходило на нет раньше положенного срока.

Но в любовь Лариса верила. Ее собственные родители, всю жизнь относившиеся друг к другу с трогательной нежностью, убедили ее в том, что она все-таки существует. Но, похоже, не всем выдается. А может, Ларисина душа так давно и прочно устремлена к другому, что на мужчин просто не остается сил. Страстью Ларисы были куклы. В свободное от работы время она ездила по кукольным выставкам, читала специальные книги или искала сведения о них в Интернете. Она висла на сайтах любителей кукольных дел, болтала об этом в чатах и даже планировала записаться на мастер-класс к одной из кукольниц, с которой и познакомилась в Интернете. Художница по имени Женя шила тряпичных (или, правильнее сказать, текстильных) кукол. Они выходили у нее до того красивыми и похожими на людей, что Ларисе хотелось самой попробовать сделать что-нибудь подобное.

Конечно, гораздо больше ее интересовали куклы, которых она сама ни при каких условиях и ни на каком мастер-классе сделать не смогла бы, то есть антикварные, старинные. Лариса была уверена, что улавливает особую энергетику, которая исходит от этих изящных игрушек, когда-то принадлежавших другим людям. Более того, казалось, что каждая кукла из ее пока еще маленькой коллекции молчит до поры до времени, а потом обязательно поделится своей сокровенной тайной, и тогда она, Лариса, станет непременно счастлива и спокойна.

Антикварных кукол у нее было мало. Всего четыре. Очень уж они дороги! Самая любимая, конечно же, Лизи, которую Лариса за очень большие деньги купила у соседки по лестничной клетке, зайдя как-то по осени поинтересоваться, греют ли батареи. Это была немец-

кая кукла фирмы «Хандверк», крупная, шестьдесят восемь сантиметров, одетая, как барышня девятнадцатого века, в длинное бархатное платье цвета какао, отделанное коричневым шелковым кантом. Очень украшали его кремовые кружевные манжеты и пелеринка. На ногах Лизи были чудные кожаные туфельки в тон платью, с коричневыми лентами, которые крест-накрест перебивали ее изящные лодыжки. В ушках сверкали жемчужные серьги, заколки в причёске тоже заканчивались крупными розоватыми жемчужинками. Фарфоровое лицо куклы с огромными карими очами было томным и загадочным. На подбородке имелась трогательная ямочка, а пухлые губки были слегка приоткрыты, чуть обнажая прелестные белые зубки. Лизи стояла на компьютерном столе в специально сделанной для нее нише и задумчиво глядела вдаль. Вечерами, когда комната освещалась лишь ночником над диваном, Ларисе казалось, что по лицу Лизи пробегает легкая дрожь, она силится что-то сказать, но... никак не может...

Лариса находилась в состоянии непроходимой скуки, в которую ее вверг очередной поклонник по имени Артур. Надо сказать, что нестандартное для русского человека имя было одной из причин, которая первоначально Ларису к нему привлекла, а потом она же и стала служить постоянным раздражителем. Называть полным именем того, с кем лежишь в постели, весьма неинтимно. Уменьшительное же придумать оказалось чрезвычайно трудно. Как Лариса ни пыталась, так и не удалось найти единственно верное. Арик... Рики... Как-то все это было не по-русски и отдавало мексиканским сериалом. Сам Артур ни в какую не желал признаваться в том, как его звала мама. Видимо, мамин вариант был еще более слащав и еще менее мужествен. Да, некоторые женщины любят давать своим сыновьям сюсюкающие имена: Стасик, Владик, Алик... Лариса знавала даже одного мальчика по имени Вика... Но вспоминать о Вике она никогда не хотела. И старалась не вспоминать.

Мобильник издал трель. Взглянув на экран, где появилась фотография Артура, Лариса тяжело вздохнула, повертела изящный аппаратик в руках, а потом все же отключила. Сунув его в карман пиджака и наскоро мазнув помадой по губам, она выскочила за дверь квартиры. У подъезда ее уже должно было ждать такси. До открытия выставки оставалось минут двадцать. Если не попадут в пробку, то успеют.

Недавно выстроенный «Кукольный Дом» выглядел инородным телом среди старых зданий в стиле сталинского ампира. Он ломал ровную линию, выпирая вычурным застекленным крыльцом чуть ли не до самой проезжей части. Вместо изящных лепных кариатид или хотя бы пышнотелых советских колхозниц с серпами у входа стояли две стеклянные Коломбины в юбках-колокольчиках. Обе держали перед лицами маски. Когда кто-то приближался к дверям, куклы вспыхивали изнутри, будто фонари. При этом стеклянные юбочки в синие и красные ромбы так прозрачно-сладко светились, что казались сделанными из леденцовой массы. Внутри Коломбин срабатывали механизмы, легкие движения рук отводили от застывших, но прекрасных лиц маски, и мелодичные голоски произносили: «Добро пожаловать!» И всякий, кто заходил в «Кукольный Дом», с самой довольной улыбкой непременно благодарил симпатичных привратниц.

Жители района не благодарили. Они ненавидели этот дом. Они всеми силами протестовали против его возведения, но, конечно же, ничего сделать не смогли. Владелец «Кукольного Дома» Дмитрий Русаков, по слухам, был богат настолько, что смог бы выкупить у города весь этот район, а не только землю под застройку одного здания. Стеклянные юбочки Коломбин несколько раз были разбиты, а маски – вырваны из тонких ручек с переломами изящных пальчиков, но столько же раз в самом лучшем виде и восстановлены. В конце концов жители сдались, поняв всю бесперспективность борьбы, и даже стали водить детей и внуков смотреть на чудо-кукол. Открылся «Кукольный Дом» месяц назад с большой помпой и при большом сте-

чении приглашенных и неприглашенных лиц. Неприглашенные остались глазеть на Коломбин, которые в честь праздника открытия были принаряжены в островерхие шелковые шапочки с колокольчиками и, будто танцуя, с определенной периодичностью поворачивались вокруг своих осей. О том, как развлекали приглашенных, питерское телевидение сделало подробный шикарный отчет, но никто из обывателей даже не завидовал, ибо с таким же успехом можно было завидовать, скажем, празднеству при дворе английской королевы.

Лариса не ходила на открытие дома. Ее, конечно, никто и не приглашал. Может быть, и удалось бы купить входной билет, но она даже не пыталась этого сделать, поскольку шоу не любила. Она любила кукол. Вот выставка – это другое дело. Народу, конечно, тоже будет много, но прийти надо именно на открытие, потому что сразу же начнется продажа, и в другой день можно не увидеть самые интересные экземпляры. Денег у Ларисы было немного, а потому на какие-то серьезные покупки она не рассчитывала, собиралась просто сфотографировать понравившихся кукол. В компьютере у нее уже создано несколько альбомов с изображениями кукол из Интернета. Теперь-то она, наконец, сможет пополнить их собственными снимками.

Привратниц Коломбин сфотографировать не удалось – их все время заслоняли люди, спешащие на выставку. Лариса не слишком огорчилась. В конце концов, этих стеклянных красавиц можно снять в любой другой день.

На первом этаже была развернута экспозиция современных кукол, но не абы каких, а элитных, очень красивых, которые стоили немалых денег. В залах оказалось чрезвычайно шумно из-за огромного количества детей, которые визжали от восторга, смеялись от счастья или, наоборот, рыдали оттого, что родители не имели возможности купить для них какое-нибудь чудо кукольного искусства.

На втором этаже вместе со своими работами расположились мастера-кукольники чуть ли не со всей России. У Ларисы очень скоро начала побаливать голова от обилия впечатлений, от ярких красок и духоты. Как часто бывает при большом скоплении народа, атмосфера в помещениях «Кукольного Дома» неприятно сгустилась. Ароматы самых разнообразных женских духов перемешивались с запахом красок и материалов, из которых сделаны куклы и сшиты их наряды. Гул множества голосов стоял как на вокзале после прибытия поезда, когда на платформу разом высыпает большое количество народа. Лариса даже убрала в сумку фотоаппарат, потому что здорово устала выбирать ракурсы так, чтобы в кадр не попала чья-нибудь голова или рука. После этого сразу поспешила на третий этаж, где, похоже, спокойнее. Оказалось, что там выставлены текстильные куклы и всяческие кукольные аксессуары. Но Ларисе нужно было не это. Она искала антиквариат. Ей посоветовали подняться выше.

На четвертом этаже расположилась самая шикарная экспозиция. Там были представлены куклы из Европы, особенно много немецких красавиц, лучшими из которых Ларисе показались работы Хильдгард Гюнцель. Настоящие златокудрые принцессы, чуть меланхоличные и этим загадочные. Их фарфоровые лица словно светились изнутри. Понравилась куклы Аннет Химштадт – неловкие неуклюжие малыши, растрепанные и не очень аккуратно одетые, а потому очень похожие на настоящих детей.

Отдел антиквариата занимал два просторных зала с застекленными витринами. В одном из них были выставлены необыкновенные красавицы в королевских нарядах из золотистой и серебряной парчи, алого и густо-синего бархата, отделанных старинным тускловатым жемчугом и самоцветами. Несмотря на дороговизну этих кукол, народу в зале было тоже достаточно. Впрочем, многие пришли просто посмотреть. Лариса причисляла себя к ним, так как ни одну из таких кукол купить не смогла бы. Зато их можно сфотографировать. Полюбовавшись и сделав массу снимков, она прошла в следующий зал, где на кукольных барышнях наряды были попроще, но все равно очень впечатляли, будучи сшитыми по моде ушедших веков. У одной из витрин Ларису что-то будто толкнуло в грудь, и она начала пробегать глазами стеклянные этажи. Не то... Не то... Нет, опять не то... И это не такая кукла... А вот эта...

Молодая женщина с трудом сдержала вопль, который готов был вырваться у нее из груди. Она нашла такую, какую давно искала. Ну... или почти такую...

Лариса долго разглядывала куклу, которую ей разрешили взять в руки. Она действительно была очень похожа на ту, что навечно осталась в памяти со времен детства. Многоярусные панталончики красавицы, отороченные тонким кружевом, спускались на красные кожаные туфельки с крошечными помпончиками. Ларисе казалось, что у куклы из детства вместо помпонов были серебристые пряжки, но память, конечно, могла и подвести. Все остальное вроде бы в точности такое же: и глубокие синие глаза, и золотистые локоны, и шляпка с цветами и перьями, и даже платье из шелковистой клетчатой ткани с пышными рукавами, буфами и с сильно насборенной у талии длинной юбкой.

– Сколько стоит эта кукла? – дрожащим голосом спросила Лариса. Она была уверена, что купить ее не сможет, но узнать цену своей мечты все ж хотелось.

Женщина за стойкой назвала цену, которая показалась Ларисе заниженной. С собой у нее, конечно, не было и такой суммы, но ее можно будет набрать. И она спросила снова:

– А почему так дешево?

– Потому что это репликант, – ответила женщина, зорко следя за остальными покупателями и посетителями выставки, которые явились только поглазеть, но так и норовили вцепиться руками в кукол, сидящих на прилавке не под стеклом, помять им платья и чем-нибудь испачкать.

– Репликант... – повторила за ней Лариса.

Женщина решила, что для потенциальной покупательницы это новое слово, и поспешила пояснить:

– Да, репликант, то есть эта кукла – всего лишь точная копия антикварной. А цена невелика потому, что она сделана из современных материалов, наряд не из шелка и батиста, а из акрила, а туфельки – из кожзаменителя.

Лариса почувствовала, как к горлу подкатил комок, а глаза защипало. Ее не смущал акриловый наряд мечты своего детства и даже туфли из кожзама. Все-таки она не настоящая коллекционерка. Для нее важно, что кукла внешне очень походит на ту, какую она давно мечтала найти. Если бы женщина согласилась придержать ее, она непременно набрала бы нужную сумму.

– А вы не могли бы... оставить для меня эту куклу? – спросила Лариса. – У меня сейчас с собой столько нет...

– Ну... если вы успеете съездить за деньгами до трех часов дня, то я, конечно, ее для вас отложу. Но не дольше! Она все же из недорогих, ее обязательно купят, а я не хочу терять покупателей.

Лариса прикинула, где можно перехватить денег до трех часов, поняла, что в воскресный день этого сделать не удастся, и совершенно сникла.

– Нет... до трех я не успею... – проговорила она и добавила: – Впрочем, мне такую сумму надо собирать несколько дней. Простите...

Лариса возвратила куклу хозяйке и повернулась, чтобы уйти, но женщина ее остановила:

– Постойте! Я вижу, что с этой куклой у вас что-то связано, да?

Лариса кивнула.

– Тогда вот что... – Женщина вытащила из аккуратной пачки картонный прямоугольник, протянула Ларисе и сказала: – Это моя визитка. Я могу вам сделать точно такую же куклу, если очень надо. Только с предоплатой. Мало ли что... Раздумаете еще потом...

– Да-да, конечно! – Лариса так обрадовалась и взволновалась, что пересохло во рту. Она достала кошелек и вытряхнула на прилавок все, что у нее было. Женщина взяла пару крупных купюр и сказала:

– Позвоните мне недели через две. Договоримся, когда вы придете забрать свою красавицу.

Лариса, совершенно лишившаяся дара речи, могла только кивнуть. Она быстро собрала оставшиеся деньги обратно в кошелек и быстрым шагом пошла прочь от этой стойки. Казалось, что если она задержится еще хотя бы на минуту, женщина расхочет делать куклу, а она уже придумала ей имя. Она будет звать ее Варварой. Да, только так.

...Когда Ларисе исполнилось пять лет, мама подарила ей свою куклу, на которую до этого знаменательного дня можно было только смотреть. Даже тронуть ее пальчиком не позволялось. Именно ее и звали Варварой. В тот день рождения Варвару наконец достали из розовой картонной коробки и торжественно вручили маленькой Ларисе. Кукла была не такой, как все те, большой компанией сидевшие на спинке дивана, сделанные из пластика или резины. Их волосы торчали из дырочек на головах, как щетина на сапожных щетках. Как Лариса ни пыталась прикрыть эти дырочки, причесывая кукол особенным образом и повязывая вокруг их голов ленты, дырочки все равно оголялись, и куклы тут же теряли половину своей привлекательности.

Волосы Варвары были кудрявыми, мягкими, пушистыми и плотно приклеенными к аккуратной головке. Сейчас уже трудно сказать, из чего мастер сделал кукольную голову, ножки и ручки, но сама Варвара была достаточно тяжелой, несмотря на тряпичное тельце. На лице куклы, покрытом глазурью нежно-розового цвета, маленький носик так заодно торчал из яблочно-круглых щечек, что Лариса, получив вожаделенную Варвару, сразу решила поцеловать ее именно туда. В экстазе она провела по носику зубами, на которых почему-то сразу остался глазурный слой, и тут же ударилась в рев, когда увидела результаты своего страстного поцелуя. Нос красавицы Варвары сделался облупленным и грязно-серым. Маленькая Лариса не видела ни раскрытых ран, ни обнажившихся человеческих костей, но решила, что прогрызла кукле нос именно до самой настоящей серой кости, от которой по всему игрушечному телу непременно пойдет гниение, как по клубню картофеля на кухне. Родителям пришлось убрать бедную Варвару обратно в розовую коробку, а потом отдать на улице первой попавшейся женщине с ребенком, поскольку оставить дома ее было нельзя: Лариса впадала в истерику каждый раз, когда видела «откушенный» нос.

Потом, став много старше, Лариса очень сожалела о Варваре, поскольку таких кукол в стране уже не делали. Во всяком случае, она больше никогда подобных не видела. Мама рассказывала, что Варвару купили в 1952 году, когда она родилась, хранили как реликвию и собирались передавать по наследству, но Лариса с этим наследством очень быстро расправилась. Несколько позже она увидела немецкую куклу в клетчатом платье, которой буквально заболела, и образ бедной Варвары почти исчез из ее памяти.

И вот сейчас настал такой момент, когда обе куклы ее детства как бы сольются в одну, и красавица Варвара останется наконец у нее жить навсегда. Лариса была так довольна этим, что тут же утратила интерес к выставке и пошла к эскалатору, ведущему вниз. Теперь, пожалуй, можно и позвонить Артуру, и даже с ним встретиться. В последний раз. А может, и не в последний... Может, она даже потерпит его возле себя еще пару недель...

* * *

Виктор Юсупов шел по улице и никого не трогал, хотя ему очень хотелось тронуть. Даже не просто тронуть, а кому-нибудь въехать в рыло так, чтобы челюсть своротило на сторону без всякой возможности восстановления. Да и к чему восстанавливать? Эти кривые, корявые рожи лучше от этого не станут. Вот навстречу идет мужик. Мужичара смердящий. Морда ржавая, пятнистая, как загаженная и облупленная супная кастрюля. Бабы пухлые плечи засунуты в утлую пацанскую куртенку, до пояса. Под ней хлебной буханкой висит живот, обтянутый

рябенькой, в гнусные точки рубахой. Одной пуговицы на ней нет, и сквозь образовавшуюся щель виден сизый вывернутый пуп. Под пупом – жидкие китайские треники с белыми лампасами. До чего же Виктору ненавистны эти треники. Неужели нельзя надеть брюки, когда идешь с женой по городу? Хотя... для такой жены особо и стараться не стоит. Ишь, как гордо ступает со своим мужиком под крендель. Глаза бы на нее не смотрели! Тупая, как полено! Сразу видно! И еще уродина! На плоскую голову с крошечным лобиком косо нахлобучена пережатая бесцветная пакля волос. Кое-где паклю прочерчивают самопроизвольно образовавшиеся бессистемные проборы. Отросшие и слипшиеся друг с другом пряди у корней – черные и скользкие, как слизни. А на затылке глупо торчит куцый, почти белый клочок, перетянутый детской розовой резинкой. Шеи как таковой у тетки нет. Толстое лицо лежит на бесформенном бюсте, спускающемся аж до пояса и плавно переходящем в живот, который такой же буханкой, как у мужа, висит над джинсами. Спасибо, не над трениками!

Мерзкая пара прошла мимо Юсупова, обдав его кислым запахом несвежего белья и застоявшегося дыма дешевых сигарет. Его чуть не вырвало. И ведь куда ни глянь, везде такие же смердящие рыла. Вон тащится старушенция. Ситцевое мягое платье в зеленых огурцах липнет к красным, шелушащимся ногам, и кажется, что старуха идет в зеленых трико, забыв надеть юбку. Можно представить, как от нее воняет мочой или чем-нибудь еще похуже.

Полчаса назад Юсупов проходил мимо немецких туристов, которые на Невском проспекте горохом высыпали из экскурсионного автобуса. Все пожилые и, как один, поджарые, в светлых брюках, элегантных плащовках. На тетках серьги до плеч, какие-то бусы, перстни. Никаких хвостов с детскими резинками на затылках. Мужики холеные, красиво остриженные, источающие запах хорошего парфюма.

То, что туристы были немцами, Виктор сразу понял, так как и в школе, и в институте изучал немецкий язык. Нет, он не говорил по-немецки. Ну... разве что слегка... исключительно в объеме программы. Мог бы в нескольких фразах рассказать о себе, но не более того. Но немцами восхищался всегда. Их аккуратностью и педантичностью. А что, скажите на милость, плохого в педантичности – в неукоснительном соблюдении установленных правил? Русские обожают нарушать самими же установленные правила и еще хвалятся этим. Загадочная русская душа! Тьфу! Что в ней загадочного?! Хорошим тоном считается умиляться под водочку с селедочкой собственной забубенности. Лучше бы в лифте не плевали, честное слово! У тех же немцев что перед домами? Клумбы и стриженные газоны! А у нас? Открытые зловонные люки, перевернутые урны и окурки, окурки... Всюду окурки! А еще собачье дерьмо! Особенно много дерьма и окурков, когда сходит снег. Хорошо, что сейчас лето и вся дрянь уже убрана даже с питерских окраин.

Виктор вытащил из кармана легкой куртки сигареты. Да, он тоже курит! Но ему никогда в голову не придет бросить окурков себе под ноги. Даже если рядом нет урны. У него в кармане всегда есть карманная пепельница. Именно на такие случаи. Кстати, курить там, где не положено, он тоже ни за что не станет. Например, в том же лифте. Там ездят дети и беременные женщины. Но эти же беременные женщины его и ненавидят – за приверженность к порядку! Например, сегодня утром он, Виктор, попросил соседа по площадке прекратить складывать на окне подъезда ненужные газеты. Так его беременная жена разоралась на весь дом, что им в почтовый ящик суют всякую рекламную дрянь, которую они себе не заказывают, а кто сует, тот пусть и убирает! Виктор напомнил ей, что собственный мусор, который им никто посторонний в помойное ведро не сует, они никогда не могут донести до мусоропровода, чтобы не рассыпать по всей площадке шкурки от бананов и давленные пивные банки. Тут с беременной соседкой сделалась такая истерика, что она вполне могла родить раньше срока прямо на этих самых шкурках от бананов. Ее муж полез с Виктором в драку и даже порвал ему новую черную рубашку. Пришлось возвращаться домой, чтобы переодеться.

Юсупова передернуло, когда он вспомнил, как крючковатые волосатые пальцы соседа вцепились в его шелковую рубашку. Сам сосед был в заношенной футболке с растянутым воротом и расплывшейся надписью «Зенит – чемпион!». Рви – не жалко. И что за манера ходить дома, как погорельцы?! И ведь не противно! Плебеи! Быдло! Спасибо матери, что она приучила его, Виктора, всегда выглядеть одинаково опрятно и красиво и на людях, и дома. Вообще-то он не любил вспоминать собственное детство и мать, но в такие минуты все же бывал ей благодарен.

У Юсупова сегодня был свободный день, и он собирался провести его в расслабленном ничегонеделании, в неспешных прогулках по родному Питеру, который любил. Он намеренно в такие дни не садился в машину, а ехал на городском транспорте до Невского. Было в подобной прогулке что-то ретроспективное... возвращающее в юность... Вот и сегодня Виктор собирался с большим удовольствием прошвырнуться по Невскому проспекту, выйти на Дворцовую площадь, потом на набережную Невы, а на закуску завернуть в какой-нибудь из музеев. Может, прямо в Эрмитаж, где давно не был. И вот теперь прямо с утра испорчено настроение, а потому раздражает буквально все вокруг. На Невском, конечно, уже не встретишь убогих старух в зеленых «огурцах» – слишком дорогой для них проспект, но зато полно самого кинематографического вида нищих. И как власти их терпят? Стыдно ведь! Перед теми же туристами! Виктор видел этих нищих насквозь. Он очень хорошо представлял, как самые обычные и, возможно, даже уважаемые соседями и собственными детьми граждане переодеваются по утрам в разодранные хламиды, искусно выпачканные чем-то не слишком отвратительным, рисуют на лицах следы «прожитых» жизненных драм и отправляются на службу в строго определенное рабочее место. И он, Виктор Юсупов, должен им всем подавать, как науськивает церковь, чтобы они не скатились до еще более тяжкого греха – воровства? Да никогда! Не дождутся!

Зацепившись взглядом за еще совсем не старую, но как-то по-особенному отвратительную нищенку, привалившуюся к шикарной витрине дорогого ювелирного магазина, Виктор в сердцах чуть не плюнул на красиво выложенную плиткой мостовую. Он совсем уже собрался вскочить в подъезжающий к остановке троллейбус, чтобы ехать домой, раз уж прогулка не задалась, как вдруг услышал:

– Юсуп! Ты, что ли?!

Виктор обернулся. Посреди Невского, мешая прохожим, которые вынуждены были его обходить и потому здорово злились, стоял молодой мужчина с очень знакомым лицом и улыбался. Юсупов хотел пожать плечами, выразив таким образом недоумение, но вдруг в мозгу неожиданно прояснилось. Толкнув стильно одетую женщину и не извинившись, он подошел к стоящему столбом мужику, и они вдвоем окончательно испортили настроение всем, как спешащим по делам, так и бесцельно прогуливающимся.

– Турок? – на всякий случай спросил Юсупов, хотя уже точно знал, что это именно он и есть, его школьный приятель, с которым они не виделись аж с самого выпускного вечера.

– Я! – радостно воскликнул бывший одноклассник.

– И давно в Питере?!

– Давненько! Как только институт закончил, сразу от родителей отпочковался и вернулся сюда, в этот город, как говорится, знакомый до слез! А ты как? Что? Где? Женат?

Обрадовавшийся старому другу, Юсупов начал бы с удовольствием отвечать на вопросы в порядке их поступления, если бы один из прохожих, нелепо зацепившись своим кейсом прямо за ногу Турка, не взвизгнул высоким бабьим голосом:

– В сторону, что ли, не можете отойти, придурки!

В другой ситуации этот хрен с кейсом получил бы в ответ от Юсупова за «придурков» куда более крепко-изысканное выражение, но сейчас он просто потянул приятеля в сторону. Разве посреди Невского поговоришь толком?

– Слушай, может, правда посидим где-нибудь? Пообщаемся... Выпьем за встречу... – предложил он.

– Сейчас никак, честно! – отозвался Турок. – Я на службе... Совещание у нас в фирме через полтора часа... А что, если вечером?

– Ну давай вечером! Где? Во сколько?

Турок вытащил из кармана визитку и ручку, что-то быстро чиркнул на обратной стороне картонки, протянул Виктору и сказал:

– Тут все мои координаты, а на обороте я адрес написал... ну... где сейчас живу... Приезжай часикам к семи вечера. Сможешь?

– Не вопрос! Конечно!

– Только у меня будет... дама... Но ты не смущайся. Похоже, она собралась от меня свалить... При тебе ей будет это удобнее сделать. Без особых объяснений.

– Так... может, мне все ж лучше не сегодня приехать-то? – засомневался Юсупов. – Глядишь, и дама при тебе останется, и мы нормально поговорим...

– Ну... если ты мне все еще друг... – Турок опять улыбнулся, – то приезжай именно сегодня. И все получится, как надо...

– Конечно, друг! – Виктор ответно улыбнулся, легким движением хлопнул его по плечу и закончил: – Ну... до встречи! И непременно сегодня!

Бывший одноклассник кивнул и мгновенно смешался с толпой. Юсупов посмотрел на визитку. На ней было написано: «Самойлов Артур Геннадьевич. Коммерческий директор фирмы «Сатурн». Виктор усмехнулся. Ишь ты – «Сатурн»! Сразу вспомнилось название старого-престарого советского фильма «Сатурн почти не виден». Что-то про разведчиков, кажется... Турок – разведчик! Ха! Впрочем, какой он разведчик. Написано же – коммерческий директор. Кто бы в детстве мог подумать, что Турок станет финансами руководить! В точных науках он никогда не блистал... Контрошки обычно у него, Виктора, списывал. А как имени своего выпрненного стеснялся! Мать звала его Ариком, а сына всегда перекашивало от отвращения, когда на весь двор раздавалось:

– Ари-и-ик! Домо-о-ой!

Именно во дворе Артуру придумали приличное, мужественное прозвище – Турок. От Артурки, естественно, сначала получилась смешная Турка, ну а потом уж – вполне нормальный Турок. Сам Артур из принципа никогда не читал «Овода» Войнич, откуда мамаша вытащила это, по его мнению, куртуазное имя. Юсупов, конечно, с книгой ознакомился и сказал Турку, что вообще-то книжный Артур Риварес – вполне приличный мужик и стесняться его имени не стоит, но приятеля это не убедило, и он всегда представлялся фамилией – Самойлов или прозвищем – Турок. Даже девушкам, которым всякие Артуры и Арчибалды почему-то особенно по нутру. А внешне, надо сказать, Артур Геннадьевич был всегда неплох. Как раз таким, каких девушки любят: высоким, стройным, несколько тонкокостным, а потому очень гибким. Имел темные, чуть волнистые волосы, яркие карие глаза, чувственные пухлые губы и длинные пальцы. Но если в юности он был до боли похож на героев самых романтических поэм, то нынешний коммерческий директор смотрелся вполне мужественно. У него откуда-то взялся твердый волевой подбородок и несколько циничный взгляд. Впрочем, у человека, имеющего дело с деньгами, другого взгляда просто и не могло быть. И подбородка тоже.

Отец Турка, военный, сразу после выпускного вечера увез семью куда-то на Дальний Восток. Все знакомые были обескуражены тем, что папаша не дал сыну возможности выучиться в Северной Пальмире, но тот, наверное, справедливо считал, что из юноши мужчину может сделать отнюдь не столичный вуз, а как раз самый дальний гарнизон, а хорошее образование можно получить везде, коли будет охота учиться. Видать, Турок учился с охотой, коли дослужился до весьма хлебной должности коммерческого директора.

На радостях после встречи с давним другом Юсупов даже поступился принципами и бросил отвратительной, но не старой еще нищенке у ювелирки целый столик. Пусть бабенция гульнет! Может, свалит с проспекта-то и перестанет оскорблять взгляды прохожих своим нелепым видом.

* * *

Наталья Ильинична состарилась. В какие-то пять лет превратилась в безобразную гротескную ведьму с детских утренников. Это было особенно обидно, поскольку соседка Мария (впрочем, какая там Мария... Машка она, Машка!), бывшая одноклассница, которой, соответственно, лет столько же, сколько и Наталье Ильиничне, выглядела на удивление молодо. У нее даже морщин особо не было. Разве что, когда Машка улыбалась, от глаз во все стороны расходилось множество лакированных лучиков, и тогда казалось, что на лице прищуриваются два веселых сереньких солнышка. А от смешливого рта к ушам сдобно заламывались многочисленные, будто хорошо пропеченные сладкие складки. Когда Машка убирала улыбку, лицо делалось похожим на только что подошедшее тесто: воцано-белым, неровно-бугристым, каким, собственно, выглядело всегда, но отнюдь не страшным.

Зеркала Наталья Ильинична воспринимала странно. Они ей казались ужасающе размножившимися и мерзостно ожившими «портретами Дориана Грея». Вглядываясь в глубину чуть помутневшего от времени большого зеркала в ванной, она видела там ужасающее рыло, будто сделанное из ветхой холстяной половой тряпки, которую бросили сохнуть комком, а потому ее теперь не распрямить никакими силами. Из тряпичных складок посверкивали бесцветные стеклянные глазки, а над ними, как пегая прошлогодняя трава, кустились клочки бровей. Губы, конечно, можно было вывернуть из морщинистых наслоений, но они приобрели такой синюшный болезненный цвет, что лучше им оставаться затерянными между дряблых выпуклостей и впадин.

Каждый раз, смотрясь в зеркало, женщина принималась ощупывать лицо руками в безумной надежде, что старится лишь та, стеклянная, Наталья Ильинична, сжатая облупленной от постоянной влаги деревянной рамой, а сама она, живая и теплая, остается по-прежнему молодой и привлекательной. Нет, ей вовсе не хотелось каким-то чудом опять стать двадцатилетней или вернуться в сорокалетие. Она согласилась бы и на свои шестьдесят пять, если бы только с ее лица убрали эту навечно приварившуюся к нему ссохшуюся дерюгу. И каждый раз она в ужасе отдергивала пальцы, заново пугаясь того, чего они касались. Да и сами пальцы с распухшими суставами, обтянутыми пятнистой прозрачной кожей, похожей на заляпанную газетную бумагу, доказывали: зеркало говорит правду.

Иногда Наталья Ильинична заставляла себя взглянуть на отраженное лицо бесстрашно. Она искала в обезображенных чертах следы ужасающих пороков. Но кто мог бы ей сказать точно: пороки его морщили или безжалостное время? Она, конечно же, была не порочней других. Не порочней той же Машки, которая в их общие шестьдесят пять меняет мужичье, как юная дива шоу-бизнеса. К чести своей, Наталья Ильинична четко осознавала, что ежели была бы так же сдобна и сладка, как Машка, то, возможно, тоже не отказывала себе в определенных удовольствиях, хотя... если честно, мужчины к ней и раньше-то в очередь не стояли... А уж сейчас, конечно же, вообще никто не польстится на тряпичные складки ее лица и общую костлявость организма. В ее положении удовольствия должны быть другими. Какими? Никому на свете Наталья Ильинична не рассказала бы, что ей начало вдруг доставлять удовольствие. Получилось все неожиданно...

Однажды в магазине, стоя в небольшой очереди в кондитерский отдел, Наталья Ильинична от нечего делать разглядывала продавщицу. Женщину не слишком молодую, но распорную и на удивление жизнерадостную. Она сыпала прибаутками и не сердилась даже

на самых скандальных и злонравных покупателей. Собой она была очень хороша. Под фирменным синим кокошником лучились светло-карие глаза. Расходящиеся от них тонкие морщинки нисколько не портили лица с чистой нежно-розовой кожей. Губы, накрашенные золотисто-оранжевой помадой, не покидала улыбка.

Наталья Ильинична прикинула, сколько лет продавщице. Глядя на лицо, ей можно дать даже и тридцать. Но по рукам, с выступившими венами и слегка опухшими суставчиками пальцев, было ясно, что женщине далеко за сорок. Это Наталье Ильиничне не понравилось. В свои «за сорок» она и выглядела именно глубоко за сорок, а никак не на тридцать, как эта престарелая щебетуха. И чего все щебечет? Чего шутит? Горя, видать, не знала! Еще бы! Какое горе может быть у такой красотки, чью рожу никакое время не берет?! Конечно, у нее и муж есть, и наверняка куча любовников, как у дуры Машки. Понятно, что этой продавалке плевать на то, что расплывшаяся баба из очереди раз пять попросила перевесить ей конфеты, надеясь, что удастся заплатить поменьше. Не удалось. На весах каждый раз выходило ровно триста граммов, а потому баба обложила фигурным забористым матом гнусные весы, всех подлых работников магазина (на всякий случай – вместе с правительством) и гордо удалилась, зажав в кулаке хвост полиэтиленового пакета, на треть заполненного карамелью.

Когда подошла очередь Натальи Ильиничны, продавщица посмотрела на нее теплым взглядом и спросила:

– Что вы хотите, бабушка?

От этих ее слов Наталью Ильиничну здорово перекосило. Бабушку нашла! Может, кто и бабушка, да только не она! У нее и внуков-то нет! Она... пожилая женщина! Женщина! А не бабушка! Где только эту дуру воспитывали!

Конечно же, она ничего этого продавщице не сказала. Более того, Наталья Ильинична даже смогла сладко-прянично улыбнуться и попросить, лицедейски подслеповато глядя куда-то в синий кокошник:

– А мне, доченька, граммов четыреста халвы и полкило зефира, бело-розового. – Потом подумала и кротким голосом добавила: – Будьте уж так любезны... пожалуйста...

Пока «кокошник» взвешивал сладости, Наталья Ильинична исходила злостью. Ей хотелось как-нибудь отомстить поганке за «бабушку», но не матом же обкладывать. Во-первых, это неинтеллигентно и потому не в ее стиле, а во-вторых, видно же, что мат бабы с карамелью продавщицу нисколько не пробрал. Тут явно нужны другие средства... Ну ничего... Наталья Ильинична не в последний раз пришла в этот магазин. Ужо придумает еще, как отплатить злом за зло.

И она придумала!

На следующий день, перебирая закрома своей квартиры, Наталья Ильинична наткнулась на сундучок, доставшийся ей от собственной бабушки, очень тяжелый, поскольку и емкость, и крышку выточил дед из цельных кусков дерева без особых украшений, если не считать кривоватой загогулины возле замка. Это самое дерево сундучка было отполировано временем и человеческими руками до густо-медового цвета. Бабушка Натальи Ильиничны долгое время работала на фабрике елочных игрушек, а потому украшения на елку и для семьи делала сама. Конечно, она не выдувала в домашних условиях стеклянных шаров и сосулечек. Во времена ее молодости таких шаров не выдували даже и на фабрике. Игрушки на елку делали из прессованного картона и проклеенной ваты. Наталья Ильинична хорошо помнила ватную снегурочку со свекольным румянцем и ватного же полосатого кота. В детстве она их любила как-то особенно сильно.

Когда Наташа начала ходить в школу, бабушка придумала для внучки и ее подружек кукольный театр. Разумеется, кукол для театра она тоже делала сама. Сначала шила их из обрезков ткани, а лица красиво вышивала гладью нитками-мулине. Потом там же, на фабрике, которая начала расширять свой ассортимент, ее научили делать кукольные головки из папье-

маше. Артисты кукольного театра стали еще выразительнее. Три куклы, которых особенно любила маленькая Наташа, так и хранились в этом сундучке. Одной из них была Фея Цветов с веночком на голове. Другой – Пионерка с косичками и алым галстуком на шее. Третьим был Прекрасный Принц из сказки о Золушке. Сама Золушка почему-то потерялась. Но Наталья Ильинична не жалела. Золушка, обряженная в серые некрасивые тряпицы, любимицей не была. Даже когда она превращалась в принцессу, бабушка просто набрасывала на ее рубище белый тюлевый лоскуток. Когда разыгрывался спектакль, маленькая Наташа, конечно, сочувствовала Золушке и очень хотела, чтобы ее, такую серую и замурзанную, полюбил Прекрасный Принц, но когда представление заканчивалось, с этой куклой отдельно никогда не играла. Да и зачем? У нее же есть Фея, Принц и Пионерка. Без серенькой, как мышка, Золушки вполне можно обойтись.

Наталья Ильинична сначала вынула из сундучка Прекрасного Принца, поскольку когда-то любила его больше всех, и ужаснулась. Принц оказался кошмарен! Лицо сохранило первоначальный красно-кирпичный колер, будто у него очень сильно поднялось кровяное давление. Глаза походили на синих пауков с черными махристыми лапами, а крупный кровавый рот сделал бы честь самому злобному вурдалаку. Фея Цветов в паре с Пионеркой выглядели не лучше. Если бы Наталья Ильинична верила в сверхъестественное, то подумала бы, что куклы удивительным образом состарились вместе с ней и лица их стали так же отвратительны, как у хозяйки. На самом деле они, конечно же, такими и были, просто дети умеют любить и безобразные игрушки, наделяя их в своем воображении самыми прекрасными чертами. Этот сундучок Наталья Ильинична не доставала из кладовки с тех самых пор, как... Впрочем, лучше не вспоминать ту самую пору. Она давно запретила себе всякие будоражащие душу воспоминания. В этот день вместо этого сундучка она искала в кладовке старые, но все еще аккуратные бурочки, которые убрала туда с окончанием зимы. В квартирах давным-давно отключили отопление, а на улице завернул такой черемуховый холод, что у Натальи Ильиничны сильно мерзли ноги. Но, вытащив на свет бабушкиных кукол из сундучка, она напрочь забыла про свои холодные ноги, потому что ее вдруг осенила гениальная идея.

Да! С одной стороны, в вульгарно сверхъестественное она действительно не верила. С другой – в определенных ритуальных действиях видела что-то необъяснимо влияющее на судьбу. Возможно, то, что неоднократно повторяется, наслаивая и наслаивая одинаковую энергетику, изменяет действительность, рождает что-то иное, выворачивает наизнанку. Наталья Ильинична опять вспомнила знаменитый портрет Дориана Грея. Такогого ей, конечно, никогда не заполучить, но можно попробовать сделать другое... А вдруг получится? Как же не хочется стареть дальше, превращаясь во все более уродливый персонаж... Как хочется помолодеть... хоть чуть-чуть...

Больше не размышляя и забыв про холод на улице, Наталья Ильинична оделась по-летнему и поспешила в соседний книжный магазин, где продавались еще и канцелярия, и разные сопутствующие товары. Там она купила несколько воздушных шариков, стопку самой тонкой бумаги для письма, клей, краски и кисточки. Она отлично помнила, как бабушка делала головки кукол из папье-маше. Возможно, что «папье», которое она купила, не слишком годится для изготовления кукол, но она ж не на выставку собирается нести свое изделие. И не на продажу... В том, что у нее все получится, Наталья Ильинична несколько не сомневалась.

Весь день она делала кукольную головку. Слегка надула шарик до размера средней картофелины, а потом начала обклеивать его кусочками бумаги, слой за слоем, слой за слоем. К вечеру полученная головка просохла. Наталья Ильинична вытащила из нее сдутый шарик и покрыла ее поверхность белой гуашью. Потом, добавив в белила каплю красной краски, получила нежный розовый цвет. Им она еще раз покрыла кукольную головку и, не без отвращения взглянув на кирпичного Прекрасного Принца, похвалила себя за сообразительность. Куколь-

ное лицо она рисовала с особым удовольствием, и оно получилось куда симпатичнее, чем у Феи Цветов и Пионерки. После этого можно было приступать к самому главному – к паричку!

Наталья Ильинична достала коробку с нитками. С давних времен у нее там хранились моточки шелка для вышивания гладью. Когда-то она этим увлекалась. Голубовато-серебристый шелк показался идеальным! Она настригла ниточек одинаковой длины и приложила к кукольной головке. То, что надо! После этого прошла в ванную и, глядя на себя, старую и уродливую, с таким же отвращением, с каким только что смотрела на Прекрасного Принца, взяла ножницы и отстригла прядь седых бесцветных волос. Вернувшись в комнату, она смешала серебристые шелковые нитки со своими волосами и наклеила их на головку куклы. Получилось не слишком красиво, но Наталья Ильинична не огорчилась. Она сняла почти не поблекший веночек с головы бабушкиной Феи Цветов и приклеила на головку своей куклы. Получилось отлично! Ну, а сшить тряпичное тельце и обрядить его в платье – это сущие пустяки по сравнению с изготовлением головы. Сначала Наталья Ильинична хотела отложить эти «пустяки» на утро, но, чувствуя зуд в пальцах, возбуждение во всем организме и сообразуясь с народной мудростью, решила не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Она провозилась до трех часов ночи, зато кукла вышла на славу. Наталье Ильиничне даже показалось, что та похожа на нее в молодости, что, безусловно, шло ей в плюс. Посадив собственноручно изготовленную красавицу на прикроватную тумбочку, чтобы начать любоваться ею сразу с утра, пожилая женщина рухнула на постель, не раздеваясь, и мгновенно провалилась в тягучий странный сон. Ей долго снились какие-то руины, заброшенные дома, безлюдные улицы. Потом она увидела себя, пытающуюся снять свое лицо, как маску. И у нее это получилось. Она отбросила прочь содранный кусок мерзкой плоти и принялась искать зеркало, в котором можно разглядеть себя, вновь молодую, а потому прекрасную. Но дома стояли пустыми, пыльными и заброшенными. В них не было даже мебели, не то что зеркал. В одном доме пережденная Наталья Ильинична догадалась зайти в ванную комнату. И там, над сохранившейся, хотя и треснувшей пополам, раковиной наконец сверкнуло вождеденное зеркало. Женщина подошла к нему, намереваясь заглянуть в его серебристую глубину, но... проснулась. Первым, что попало ей на глаза, была сделанная вчера кукла. Наталья Ильинична вздрогнула, будто и впрямь увидела себя в зеркале из собственного сна. Кукла уже не показалась такой красавицей, как ночью, но она явно похожа на нее. И это куда важнее и нужнее, чем красота лица.

Взглянув на часы, Наталья Ильинична ужаснулась: уже полдень. Она никогда не просыпалась так поздно. Впрочем, ничего удивительного. Полночи работала не покладая рук. Наскоро позавтракав и кое-как приведя себя в порядок, пожилая женщина поспешила в магазин, неся в сумке только что изготовленную куклу. В кондитерском отделе не было никакой, даже самой маленькой очереди. Красотка-продавалка нагло разглядывала яркий глянцевоый журнал, вместо того чтобы, к примеру, вытирать пыль с полок в отсутствие покупателей или хотя бы покрасивее расставить коробки с конфетами и сухими тортами. Наталья Ильинична, скроив самую кроткую физиономию, подошла к витринам. Продавщица тут же отложила журнал и, приветливо улыбнувшись, опять спросила:

– Что вы хотите, бабушка?

Наталья Ильинична встрепенулась не только от ненавистного «бабушка», а еще и от того, что, похоже, второпях забыла на кухонном столе кошелек. Она полезла в сумку, пошарила там, но, кроме куклы и очков, ничего не обнаружила. Впрочем, это тоже кстати. Она же только вчера купила себе и зефира, и халвы. Зачем зря тратить деньги!

– Ой, доченька... а кошелек-то я и забыла... – прогнусавила она, потом выразительно махнула рукой, согнув ее как можно более гадким крючком, и добавила, сладко улыбнувшись и намеренно перейдя на «ты»: – Ну ничего... В другой раз куплю... А ты лучше погляди, что я тебе принесла... Ты всегда так добра к нам, пенсионеркам... Я вот тебе куколку смастерила... Возьми! На добрую память!

И вытащила из сумки свою куклу. Продавщица ярко улыбнулась, охнула и, взяв ее в руки, радостно произнесла:

– Какая милая куколка! Очень необычный подарок! Я обязательно буду его хранить и вас вспоминать! Большое спасибо, бабушка!

Проглотив очередную «бабушку», Наталья Ильинична улыбнулась еще слаще:

– Ну вот и ладно! До встречи... Еще приду... с деньгами-то...

Не без труда выдержав неделю, Наталья Ильинична отправилась в магазин. Она сначала купила в молочном отделе сыру и масла, а в хлебном – белый батон и только после этого направилась в кондитерский. Встала в очередь из четырех человек и только тогда подняла глаза на продавщицу. Ее лицо, совсем недавно еще бело-розовое, как зефир, было нездорового лимонного цвета, под глазами набрякли сизые мешки, а от носа к губам пролегли две скорбные складки. Сердце Натальи Ильиничны забилося набатным колоколом, собирающим на пожар. Неужели... Не может быть... Впрочем, почему же вдруг не может... если результат налицо... то есть... без всяких аллегорий – прямо на лице ранее чрезмерно словоохотливой и красивой продавщицы...

* * *

Сидя в такси, Лариса размышляла, сколько денег можно занять у Артура. Вообще-то он вполне может выложить ей сразу всю сумму, необходимую для покупки куклы, но тогда ей придется отработать ее в его постели месяца два, на что еще сегодня утром никак не рассчитывала. Конечно, Артур будет рад, если она вообще не станет отдавать эти деньги, что означало бы закрепление ее, Ларисы, за ним на неопределенное время, если не навсегда. Но она должна отдать, поскольку не хочет быть ему обязанной, и это позволит оставить его при первом же удобном случае.

Лариса посмотрела в окно на проносящийся мимо город и попыталась сообразить, что ее не устраивает в Артуре. Вроде бы все устраивает... И собой пригож, и неглуп, и при деньгах, и при жилплощади, да еще и любовник хороший. И что ей нейдет? Вряд ли она найдет кого-то лучше! Тогда, может, перестать кочевряжиться, взять да и связать с ним свою жизнь? А что? Давно пора! Скоро уже тридцать шесть. Еще немного... и ребенка уж не родишь. А нужен ли ей ребенок? Лариса представила, как сопливый и слюнявый ребенок тянется своими замурзанными ручонками к ее любимой Лизи, и ее передернуло. Нет! Она так и не созрела для материнства. А вдруг никогда не созреет? Ну и что? Пусть плодят себе подобных те, кому больше заняться нечем!

Оставаясь в задумчивости, у самых дверей в подъезд Артура Лариса столкнулась с молодым мужчиной и внутренне вздрогнула. Ого! Типаж! Тот самый, с которым она, возможно, и не особенно кочевряжилась бы... Она сразу отвела глаза, потому что этот типаж вряд ли тут же раскошелится на куклу, даже если она прямо в подъезде падет к нему в объятия. Нечего глазеть на типажи, когда ее ждет щедрый и красивый любовник. И Лариса смело сделала шаг вперед. Молодой мужчина тоже шагнул, и они опять столкнулись, при этом Лариса всем телом ощутила исходящий от типажа жар. Да-с! Если бы не кукла... можно было бы... А, собственно, что можно было бы? Лариса не успела ничего придумать на сей счет, потому что услышала:

– Простите... Проходите, пожалуйста. Я только после вас...

Лариса величественно кивнула, вошла в подъезд и остановилась возле лифта. Мужчина, естественно, встал рядом. Зайти в кабинку им пришлось вдвоем.

– Вам на какой? – опять услышала замешкавшаяся Лариса и поспешила ответить:

– На пятый.

Мужчина нужного ей типажа молча нажал на кнопку с цифрой пять.

На пятом этаже он вышел вместе с ней. Когда Лариса подошла к дверям квартиры Артура, за спиной раздался легкий свист. Она жадно обернулась. Типаж улыбнулся и весело сказал:

– Удивительное дело: нам, оказывается, нужно в одну квартиру!

Лариса не успела ответить, потому что дверь открылась и в проеме показался Артур.

– О! Да вы парой! – воскликнул он. – Уже познакомились?

Лариса отрицательно покачала головой.

– Ладно. Проходите. Сейчас выпьем за знакомство.

В большой кухне Артура стол уже оказался накрыт. По пластиковым контейнерам, из которых он не считал нужным выкладывать яства на тарелки, было ясно, что все куплено в магазине. Но на плите исходила аппетитным паром картошка. Лариса почувствовала, что проголодалась. Она пошла в ванную вымыть руки, одновременно размышляя, хорошо или нет, что она сегодня не единственная гостя Артура. С одной стороны, хорошо. Она как бы отметится у него, а оставаться на ночь не обязательно. Сославшись на какие-нибудь дела, можно будет уйти раньше гостя. С другой стороны, плохо, потому что не поговоришь про деньги. А с третьей... да, есть еще и третья сторона... Уходить раньше гостя ей пока не хочется, потому что он ей явно нравится. Да. Надо себе в этом признаться окончательно и бесповоротно. Незнакомец чрезвычайно мужественен и брутален: яркий кареглазый брюнет со смуглой кожей и подбородком, синим от жесткой щетины, до конца, видимо, не поддающейся никаким бритвенным станкам нового поколения. Артур против него как-то жидковат, хотя так же яркоглаз и темно-волос. Но совершенно неизвестно, хорошо или плохо то, что ей понравился его приятель...

Когда все уселись за стол, наконец, выяснилось, что незнакомца зовут Виктором и что он – бывший одноклассник Артура.

Мужчины принялись вспоминать школьные годы, Лариса почти не встревала в их разговор, налегая на картошку с мясными и рыбными деликатесами. Они пытались втянуть ее в свой диалог, но ей разговаривать не хотелось. Она думала о кукле и о деньгах, которые надо непременно на нее насобирать. Встрепенулась она только тогда, когда Виктор назвал Артура Турком.

– А почему вдруг Турок? – с удивлением спросила она, не донеся до рта вилку с наколотой на нее мидией.

– Да... так... долго объяснять... – отмахнулся от вопроса Артур.

Виктор посмотрел сначала на друга, потом на Ларису, что-то, видимо, для себя понял и несколько саркастически усмехнулся. Лариса ответила ему полупрезрительной улыбкой. Что он себе позволяет! Думает, что завел себе синий подбородок, так все женщины прямо свалятся к его ногам! Ага! Как бы не так!

Настроение резко испортилось. Лариса даже не могла разобраться, от чего именно. Ну, не от взгляда же этого Виктора! Может быть, оттого, что из-за него нельзя начать разговор о деньгах? Как-то все нескладно выходит... И зачем она сидит тут, трескает мидии, которые не особенно любит, слушает мужские разговоры и воспоминания, которые ей совершенно не интересны?

Запив очередную мидию минералкой, Лариса отложила вилку и встала из-за стола:

– Пожалуй, я пойду... – Потом перевела взгляд на Артура и добавила: – Только без обид, ладно? Вам надо поговорить, а я только мешаю...

– Какие могут быть обиды! – отозвался Артур и тоже непонятно улыбнулся, а Виктор тут же добавил:

– Вы нам абсолютно не мешаете! И даже напротив...

Он не договорил, потому что Лариса обожгла его гневным взглядом и пошла к выходу. Артур проводил ее до дверей, даже сочно чмокнул в щеку, но уговаривать остаться не стал. «Чтоб вы оба провалились!» – подумала она и сама захлопнула дверь, чуть не прищемив

Артуру пальцы. Выйдя из подъезда, задумалась. Что лучше сделать? Поехать домой и забыть на сегодня про все и вся или отправиться к подруге Таньке, чтобы попытаться подзанять денег? Нет... пожалуй, не к Таньке... хватит на сегодня мероприятий. Достала мобильник и вызвала такси, чтобы ехать домой. Машина подошла довольно скоро. Видимо, находилась где-то поблизости. Лариса уже села в салон, когда послышался звук отворившейся двери подъезда. Она хотела назвать свой адрес, но тот, кто вышел из дома Артура, вдруг резким движением распахнул дверцу машины, плюхнулся на переднее сиденье рядом с водителем и назвал совсем другие координаты. Потом Виктор, которого Лариса, конечно, уже узнала, повернулся к ней и сказал:

– Надеюсь, ты не возражаешь?

Она, резко откинувшись на спинку и смерив его свирепым взглядом, решила не возражать. Не разыгрывать же перед таксистом сцены. Ей очень хочется, например, треснуть этого Виктора по физиономии, но не в такси же! Придется ехать туда, куда он собрался ее везти. Но уж там-то он свое получит! Какое он имеет право обращаться к ней на «ты»!

Виктор чуть помедлил, будто выслушивая ее внутренний монолог, потом сказал:

– Я так и думал! – и, обращаясь уже к таксисту, произнес: – Трогай, шеф!

Всю дорогу они молчали, хотя путь оказался неблизким. Кроме того, пришлось два раза постоять в пробках. Лариса сжимала и разжимала кулак правой руки. Она прямо чувствовала колючесть щеки Виктора, которому она непременно вlepит пощечину, как только они выйдут из машины и та отъедет.

И когда такси, высадив их, тронулось с места, она с удовольствием размахнулась, но приятель Артура молниеносным выпадом перехватил ее руку и тихо сказал в ухо:

– А вот этого никогда больше не делай!

– Какого черта... – начала Лариса, но Виктор, крепко обняв ее за плечи, развернул к подъезду дома, где, видимо, жил. Можно, конечно, было бы посопротивляться, но на улице это показалось стыдным, особенно перед тремя старушками, которые сидели на лавочке у подъезда и с нескрываемым любопытством и напряжением следили за развитием событий. Лариса решила не тешить их взгляды. Не телевизионное «мыло», поди! Жизнь!

В лифте, который вез Ларису с Виктором на девятый этаж, они, все так же молча и почти не моргая, смотрели друг другу в глаза. Молодая женщина пыталась держать марку, но понимала, что уступит, потому что ей очень хочется уступить... подчиниться... Слишком долго выбирала она... Все выбирала: и мужчин, и качество отношений с ними, и их долговременность. Все всегда зависело от нее, от ее желаний и прихотей. Сейчас ее ни о чем не желали спрашивать, и это, черт возьми, нравилось ей... Как же это ей нравилось!

В квартире Виктор снял сумку с плеча Ларисы, повесил куда-то, а потом без всяких церемоний обнял ее. Она попыталась заглянуть в его глаза, но они уже закрылись веками со смешными ресницами, длинными, но какими-то растрепанными. В поцелуе этого странного человека Лариса задохнулась. Ей не хватило дыхания не столько от его длительности, сколько от необычности ощущений. Раньше поцелуи казались ей просто обязательной частью программы, некой разминкой перед более значимыми действиями. Сейчас она вдруг поняла, что поцелуй может быть ценен сам по себе и не менее интимен, чем все остальное. Лариса оторвала свои губы от губ Виктора и теперь уже смогла заглянуть в его глаза. Они были темны и горячи. Они каким-то чудом будто все знали о ней, о ее желаниях и мыслях. А если так, то нет смысла даже пытаться что-то скрыть от этого человека. Лариса захлестнула шею Виктора руками и сама прижалась к его губам. Ей хотелось повторения. Ей хотелось опять почувствовать остановку дыхания и вместе с этим, наверное, и остановку времени. Люди же не могут не дышать... Разве только если мгновение остановилось... То самое, которое прекрасно...

Что происходило дальше, Лариса потом никак не могла вспомнить в подробностях. Все слилось в единое жаркое действие, когда трудно понять, где собственное тело, где мужское, день

на дворе или ночь, какое нынче число и надо ли идти на работу. Когда Лариса наконец снова смогла себя осознать, за окном налилась жемчужным светом белая петербургская ночь.

– Что это было? – спросила она Виктора.

– Мне казалось, это называется сексом, – спокойно ответил он и потянулся за сигаретой.

– Ты станешь курить в постели?

– А что такого?

– Я не люблю дым...

– Потерпишь... Я не курил часа четыре... Нонсенс.

– Ты никогда не считаешься с чужими желаниями?

– По-всякому... Сейчас мне просто не хочется отрываться от тебя... Но перекурить надо.

Лариса отстранилась от своего нового любовника и сказала:

– Я же никуда не денусь. Выйди... хотя бы на балкон.

Виктор измерил ее взглядом, усмехнулся, но с постели все-таки поднялся. Как-то прикрыться даже не подумал. Взял со столика зажигалку и как был обнаженным, так и вышел на балкон. Лариса проследила за ним с удивлением. Конечно, на улице ночь, но ведь белая... и стоять на балконе вот так... нагишом... как-то все же это странно... Когда Виктор вернулся и опять лег на постель, она вынуждена была спросить:

– У тебя нет никаких комплексов?

– Мало, – ответил он. – Когда-то... очень давно... я был весь соткан из сплошных комплексов. Ни ступить, ни молвить не мог без того, чтобы не оглянуться на окружающих: что они обо мне подумают. Потом как-то в один день все переменилось, и я ничуть не жалею. Ничто и никто не стоит того, чтобы я комплексовал. Злиться могу, раздражаться – да, но комплексовать – ни за что! Сами комплексуйте, если вам нравится!

– И перед... Артуром ты не испытываешь никакого чувства вины? – опять спросила Лариса. – Вы же вроде старинные друзья...

– Видишь ли... Турок... он когда назначал мне встречу, сразу сказал, что на ужине будет женщина, которая собирается его бросить, и нужно, дескать, облегчить ей уход, – ответил Виктор.

– Что, прямо так и сказал?

– Ну... примерно. Во всяком случае, смысл я передал точно. Кроме того, я не стал скрывать от него, что пошел за тобой и что непременно увезу тебя к себе.

– И что Артур?

– Сказал: «Валяй».

Этим сообщением Ларису будто ударило в грудь. Она посчитала себя униженной и даже раздавленной. Вот так, значит! «Валяй»! А ведь в любви объяснялся! Какие же они все сволочи! А этот... брутальный и голый, похоже, сволочь еще более гнусная, поскольку без комплексов!

Видимо, ее мысли легко угадывались по лицу, потому что Виктор громко расхохотался. Потом, унявшись, но продолжая улыбаться, сказал:

– Ага! Не нравится, что от тебя так легко отказались и другому всучили, как переходящий кубок! А ты думала, Турок будет у тебя в ногах валяться?!

Лариса хотела сказать что-нибудь резкое, но решила больше так явно своих эмоций не демонстрировать и спросила о другом:

– А почему он вдруг Турок?

– То есть тебе уже неинтересно, почему он тебя подложил мне?

Лариса сморщилась от отвращения, села в постели и, тоже уже не стесняясь своей наготы, злобно прошипела:

– Никто и никогда не смог бы меня ни к кому подложить, если бы я сама этого не захотела! Запомни это! Раз и навсегда! Я захотела – и легла с тобой в постель! Не захотела бы – ничего у тебя не получилось бы! А сейчас я расхотела здесь лежать и потому пойду домой! Понял?!!

– С первого слова! – ответил Виктор и опять расхохотался.

Лариса не выдержала и все же отвесила ему звонкую пощечину, о которой мечтала еще в такси. Хохот тут же резко оборвался. На нее смотрели холодные, злые глаза. Под этим взглядом захотелось уменьшиться в размерах, съежиться, стать невидимой или провалиться если и не под землю, то хотя бы под диван, но она, намеренно распрямив плечи и выпятив вперед маленькую, но крепкую грудь, встала с постели и демонстративно начала одеваться.

– Я ведь предупредил тебя, чтобы ты никогда этого не делала, – тихо, но как-то зловеще проговорил Виктор.

– Да пошел ты... – безразличным тоном отозвалась Лариса.

Через секунду мужчина, которого она знала всего несколько часов, был уже около нее. Он захватил рукой ее волосы сзади и резким движением повернул лицом к себе. Ларисе показалось, что еще немножко, и он свернул бы ей шею.

– Никто... слышишь ты... тварь... не смеет так со мной обращаться... – сказал он настолько жестким голосом, что молодой женщине стало страшно. А вдруг он сейчас сам ударит ее в отместку за пощечину. У него такие бицепсы, что голова сразу будет снесена напрочь. А он между тем пояснил, что ждет ее дальше: – И ты... ты... за это ответишь...

Ларисе очень захотелось громко позвать на помощь, но она не посмела. В конце концов, она пришла сюда по доброй воле и с большим удовольствием занималась с этим уродом любовью. Ей ли звать на помощь? Собрав остатки воли и старательно удерживая свой голос от дрожания, она проговорила не менее жестко, чем Виктор:

– И ты имей в виду... козел... что я такого отношения к себе тоже не прощаю! Хочешь войны – пожалуйста! Только... руки убери! Ты, конечно, сильнее, а потому физическая победа над женщиной тебе в зачет не пойдет!

Сказав это, Лариса внутренне напряглась, потому что представила, как ее сейчас будут размазывать по стене. Но Виктор вдруг отпустил ее волосы. Продолжая ожидать удара в любую минуту, Лариса продолжила одеваться. Когда натянула через голову тонкий шелковистый бадлон, услышала за спиной уже вполне миролюбивое:

– Сейчас же глубокая ночь...

– Я вызову такси...

За спиной Ларисы сгустилась тишина, которая по-прежнему казалась зловещей. Теперь она ожидала уже чуть ли не выстрела в затылок. Пожалуй, стоит поторопиться. Молодая женщина вытащила из сумки мобильник и начала набирать номер такси, но Виктор опять подошел, выхватил трубку из рук, бросил обратно во все еще разверстое нутро сумки и неожиданно заключил Ларису в железные объятия.

– Ладно, прости... – услышала она. – Я погорячился... Не уходи... Мир?

Лариса не без труда высвободилась из его рук и зло сказала:

– Ты думаешь, я смогу простить «тварь»?!

– Но я же собираюсь простить тебе «козла» и даже... рукоприкладство!

Она не успела ничего возразить, поскольку снова оказалась в кольце рук Виктора. Его глаза опять стали темны и горячи, опять готовы были вобрать ее всю, вместе со злостью, обидой и... желанием. Да, опять – с желанием... Задумавшись на минуту, Лариса поняла, что бороться с этим желанием бессмысленно. Она привстала на носочки и обняла его за шею. Поцелуй опять оказался таким долгим и чувственным, что дыхание молодой женщины очередной раз остановилось. Возможно, и время зависло, как неисправный компьютер.

* * *

Дана положила на могилу цветы и тяжело вздохнула. Все же так обидно, когда уходят молодые, жизнерадостные и полные сил люди. Одноклассница Ольга три года назад в каких-то два месяца сгорела от рака. Во время ее похорон слезы смахивали даже парни. Веселую хохотушку Ольгу любили все. Смеясь и сочно сдобривая речь прибаутками, которых знала великое множество, она умудрялась вселить оптимизм в любого самого безнадежного пессимиста, если он ненароком оказывался рядом с ней. Но выяснилось, что хороших людей забывают так же быстро, как и отвратительных. В прошлом году в день ее смерти на кладбище пришли всего трое: она, Дана, Наташка Смирнова и Павлик Петухов, который все школьные и последующие за ними годы был самым безнадежным образом влюблен в Ольгу. Сегодня на кладбище явилась только одна Дана, а Пашка вообще собрался жениться. Как говорится, недолго музыка играла... Прошло несколько каких-то жалких лет, и Ромео Петухов уже клянется в любви другой. Впрочем... живым – живое...

Дана поправила чуть скособочившийся венок на оградке и вышла за калитку. Невдалеке, на соседней аллейке, толпились люди в черном. В этом печальном месте можно толпиться только на погребении. Какое же это тягостное мероприятие... Пожалуй, лучше поскорей уйти, а то вдруг еще заиграет оркестр. Некоторые еще продолжают заказывать для своих усопших похоронные марши. Да, именно для усопших, потому что живые этот марш с трудом выносят. Дана всегда казалось, что от звуков кладбищенских духовых оркестров у нее внутри слипается желудок и скукоживаются легкие. На последних тактах ей всегда хотелось лечь в могилу рядом с почившим и заснуть вечным сном, чтобы только больше не слышать звуков этих труб, валторн и, главное, медного, пробирающего до костей звона тарелок.

Нет, похоже, нынче обойдется без оркестра. И все же лучше побыстрее унести с кладбища ноги. Есть смысл обойти стороной аллейку, где толпятся люди. Напорешься еще на раскрытый гроб! Малоприятное зрелище. Если перебежать мостик через сточную канавку, там будет асфальтированная дорога, ведущая прямо к выходу.

Дана шагнула на мостик и чуть не упала с него прямо в канаву. С трудом удержав равновесие, она остановившимся взглядом уперлась в черную стелу на расположенной рядом и очень ухоженной могиле. По черному мрамору крупными рублеными белыми буквами написано: «Пономарева Дарья Сергеевна». Похороненная под этой стелой была не только полной Даниной тезкой, но даже дата рождения отошедшей в иной мир Дарьи Сергеевны полностью совпадала с ее собственной. Дана с ужасом перевела взгляд на дату смерти – и похолодела. Она очень хорошо помнила тот день в прошлом году, когда на автобусную остановку неожиданно вылетел груженный кирпичом самосвал, пьяный водитель которого не справился с управлением. Три человека погибли, пятеро, вместе с Даной, были госпитализированы с переломами и сотрясениями мозга различной степени тяжести. Дана отделалась очень легко: переломами только двух пальцев левой руки. И вот сейчас выходило, будто она не отделалась... Будто она лежит под этой страшной стелой, а кто-то еще и тщательно ухаживает за ее могилой... А кто же тогда есть она, обеими руками вцепившаяся в единственный столбик, оставшийся от перил мостика?

Дана машинально бросила взгляд на бывшие год назад сломанными пальцы. Не осталось никакого следа от переломов. Может быть, их и не было... Может быть, она на самом деле... Нет!!! Что за ужас? Что за бред? Она, Дана Пономарева, – живая! Живая!!! А эта могила... Это кто-то нарочно... придумал, чтобы ее испугать... Что ж... он своего добился... ей страшно... Ей очень страшно...

Дана с трудом оторвала руки от столбика, попятилась прочь от этой ужасной могилы – и все же оступилась. Одна нога почти по колено погрузилась в зеленую жижу сточной канавки.

Равновесие было потеряно, тут же с мостика сорвалась вторая нога, и молодая женщина рухнула в воду. Даже вскрикнуть Дана прочему-то побоялась. Она моментально поднялась, выбралась из канавы и, роняя брызги, бросилась бежать прямо в сторону раскрытой могилы, которую как раз и хотела обойти, нестати ступив на узенький мостик. Толпа людей в черном загоразживала ей дорогу. Дана хотела обежать группу с траурно поникшими головами, но зацепилась ногой за прислоненный к дереву венок и опять упала, больно стукнувшись коленом о выступающий из земли корень. При этом она так душераздирающе вскрикнула, что все обратили взгляды на нее. Она услышала, как люди интересуются друг у друга, кто эта девушка, почему так кричит и с какой стати мокрая в такой солнечный и сухой день.

Дана поднялась на ноги, но опять споткнулась, опять упала и разревелась наконец в голос. Наверное, все так подстроено, чтобы она больше никогда не смогла уйти с кладбища, и ее все-таки засунут под стелу с собственным именем-фамилией! Она села возле венка, потирая руками обе расшибленные в кровь коленки и продолжая голосить. Поскольку она это делала явно не в унисон со всеми, на нее рассердились, зашикали, но уняться она никак не могла. Ее уже колотила настоящая нервная дрожь. Очень уж все происходящее было нелепо и страшно.

– Поднимайтесь, пожалуйста... – услышала она тихий мужской голос. Дана и рада была бы ему подчиниться, но ноги ее совершенно не слушались, да и все тело отказывалось выполнять ее желания. Она громко всхлипнула и не тронулась с места. Тогда мужчина попытался сам поднять ее с кладбищенской земли. Дана чувствовала, что он боится испачкаться, а потому пытается держаться от нее подальше, но, чтобы помочь подняться, ему все же пришлось прижать ее к своей рубашке. Он тихо помянул черта и, уже более не стараясь сохранить одежду чистой, рывком поставил Дану на ноги. Она тут же привалилась к нему, как к дереву, потому что идти совершенно не могла. Он попытался оторвать ее от себя, но она начала заваливаться на другого члена погребальной группы. Мужчина прикрикнул с досады, подхватил ее на руки и потащил на другую аллею, где стояла скамейка. Усадив на нее Дану, он спросил:

– Как вы? Вам лучше?

Она ничего не могла ответить, только дрожала всем телом и глотала слезы.

Мужчина бросил быстрый взгляд в сторону похорон. Как ни было Данае страшно, плохо и больно, она понимала, что не имеет никакого права задерживать подле себя этого мужчину. Мало ли, кого он хоронит... Может быть, кого-то близкого... а тут она... мерзкая, грязная, напуганная. От жалости к себе Дана принялась плакать еще горше.

– Та-а-а-ак! – констатировал мужчина и спросил: – Идти-то можете?

Дана не знала. Она теперь вообще ничего не знала. Может, ей и идти-то никуда не стоит, коли у нее здесь уже и могилка есть с отвратительной черной стелой. Мужчина, в очередной раз глянув туда, где толпились его знакомые, протянул Данае руку и предложил на нее опереться. Она попыталась. Смогла встать и даже сделать шаг, но ноги сильно дрожали. Мужчина обнял ее за плечи и повел к выходу с кладбища. Дана набралась сил и пробормотала:

– Да вы идите... у вас же там похороны... я сама дойду...

– Дойдете... – повторил он. – Только вот докуда дойдете в таком виде... Давайте-ка я посажу вас в машину, и вы там меня подождете, а потом уж решим, что с вами делать.

– В какую машину? – Дана еще больше испугалась. Если в ту, где возят покойников, так она ни за что не сядет.

– В обыкновенную, в мою, – отозвался он, продолжая тащить ее к выходу. За кладбищенской оградой на стоянке было много машин, но участливый незнакомец посадил ее в самую, как ей показалось, красивую, цвета мокрого асфальта, в новую, блестящую. Ей было немного стыдно, что она испачкает обивку, но сил на сопротивление не осталось.

– Я вас закрою, – сказал мужчина. – Ничего не бойтесь. Я скоро приду и отвезу вас, куда скажете.

Дана вяло кивнула. Мужчина закрыл дверцу и исчез за кладбищенскими воротами, а ее вдруг неудержимо потянуло в сон. Она знала такую способность своего организма – уходить от неприятностей в провальный пустой сон без всяких сновидений.

Проснулась Дана от того, что ее сильно подбросило вверх. Она клацнула зубами и окончательно проснулась.

– Чертовы дороги! – в сердцах проговорил мужчина, сидящий на водительском месте, тут же увидел в зеркальце заднего обзора, что Дана проснулась, и сказал: – Не хотел вас будить, уж больно измученный у вас вид. Что хоть за беда приключилась? Рассказать можете?

– А куда вы меня везете? – вместо ответа спросила Дана.

– Ну... к себе домой...

– Зачем? – испугалась она.

Водитель рассмеялся:

– Да не бойтесь вы! Хуже я вам уже не сделаю. Я вас вообще одну в квартире оставлю, а сам уйду. Рубашку вот только переодену... А вы придете в себя, приведете одежду в порядок... Поесть еще можете, если хотите, а потом уж и идите. Так годится?

– А вы на поминки? – Дана решительно не желала отвечать на его вопросы, задавая свои.

– Да, но ненадолго, я не очень близок покойному. Так... работали когда-то вместе... посчитал своим долгом... Немного посижу, помяну, конечно, а потом на службу. Некогда... Дел много...

Дана промолчала. Домой ей действительно не хотелось. Как она останется одна? Придется думать про эту могилу и бояться... А что, разве в чужой квартире страшно не будет? А в чужой... не столько страшно, сколько интересно... Раз мужчина везет ее в свою квартиру, значит, женщины там нет. А собой он... Дана украдкой посмотрела на того, кто вез ее в свою квартиру. На кладбище она его как-то не разглядела. Мужчина, почувствовав ее взгляд, обернулся, подмигнул и опять стал смотреть на дорогу. Дана подумала, что внешность у него очень даже привлекательная. И машина красивая. А еще есть квартира, в которой нет женщины. Может быть, эту жуткую могилу судьба послала ей как раз для того, чтобы она встретила с этим человеком? Нет, не может быть! Уж больно странный способ выбрало провидение! А с другой стороны – не хуже всякого другого...

– Ну, хотя бы расскажите, где вы умудрились так вымокнуть? – спросил мужчина.

На этот вопрос вполне можно было и ответить, не задавая встречного. Дана так и сделала:

– Да понимаете... свалилась я с мостков прямо в канаву... нечаянно... испугалась...

– Вы боитесь кладбища? Зачем же тогда пришли одна?

– Нет... тут дело в другом... – И Дана, сама не понимая, почему, вдруг взялась рассказывать незнакомцу про черную стелу, на которой были написаны ее данные.

– Ничего себе совпадения! – отозвался мужчина и даже присвистнул.

– Вы думаете, что это совпадение?

– Ну а что ж еще?

– Не знаю... Мистика какая-то...

– Не-е-ет! Я в это не верю!

– Ну... тогда, может быть, кто-то специально...

– Для чего?

– Чтобы напугать...

– Тогда кому-то должно быть это выгодно! У вас есть враги?

Дана на минуту задумалась, потом самым решительным образом отмахнулась и ответила:

– Мне кажется, таких нет... ну... чтобы могилу рыли, стелу ставили и ходили за всем этим хозяйством ухаживать...

– Учтите еще, что могилу просто так... за здорово живешь... не выроешь! Земля нынче дорога, а кроме того, в этой части кладбища уже не хоронят.

– Как же не хоронят, если вы как раз пришли на похороны?

– А у этого человека место уже было. У его семьи там целый пантеон... В общем, не берите в голову... – Мужчина глянул на Дану в зеркальце заднего обзора и улыбнулся: – Как вас зовут-то? Мы ведь так еще и не познакомились! Меня – Артуром!

Дана назвала свое имя. А он, оказывается, Артур... Надо же! А ему идет! Что-то в нем королевское есть. И благородное! Король Артур! Не бросил ее на кладбище, мокрую, грязную, испуганную... Домой вот к себе везет... Накормить хочет... Говорит, что сам уйдет... А может, и не уйдет? А может, как раз у него дома-то и выяснится, чего он на самом деле стоит? Да ну и что? С таким Артуром не грех и... Будет хоть, что в жизни вспомнить!

Именно в этот момент машина остановилась у высотного дома в районе новой застройки. Ступив на асфальт и оглядевшись, местность Дана не узнала.

– Где мы? – спросила она.

– Этот комплекс называется «Серебряные сны», – охотно отозвался Артур. – Пойдемте вон в тот подъезд.

Дана обрадовалась тому, что сны не золотые и не бриллиантовые. Серебро – оно как-то все же попроще...

Квартира Артура имела только одну комнату, зато очень большую. На разные зоны ее делили стеллажи с книгами и дисками. Было светло и чисто, но Дана окончательно утвердилась во мнении, что живет этот человек без женщины. Ну... вернее, без постоянной подруги или жены. Все в помещении устроено как-то неправильно, не по-женски.

– Ну вот... – Артур картинно обвел рукой свое жилище. – Располагайтесь. Все к вашим услугам. Отдохните, успокойтесь. За тем стеллажом – компьютер, если вдруг надо... Рядом – стойка с дисками. У меня много фильмов, музыки... Или телевизор посмотрите. В кресле – пульт. В ванной есть аптечка, в шкафчике – чистые полотенца. Халат махровый есть... правда, мой... я надевал его уже... Но не грязный – это точно! В холодильнике – продукты. Полуфабрикаты, но можно быстренько сунуть в микроволновку – и порядок! Поешьте! Сразу легче станет. Вот увидите!

Еще раз улыбнувшись Дане, он открыл шкаф, вытащил плечики, на которых висела темно-синяя рубашка в тонкую серебристую полоску, и спросил:

– Как думаете, эта подойдет на поминки? Другие у меня больно светлые для такого мероприятия...

– Подойдет, конечно... – Дана кивнула, продолжая стоять посреди комнаты.

– Да вы садитесь! – предложил Артур.

– У меня слишком грязная одежда...

– Ну и что! Отчищу все потом. Но в ванную вперед себя не предлагаю! У меня времени в обрез.

Сказав это, Артур вместе с полосатой рубашкой скрылся за дверями ванной комнаты. Дана так и не смогла заставить себя опуститься на светлую обивку дивана и прошла в кухню. Там села на табурет, с которого действительно легко вытереть грязь, и задумалась. Что же такое происходит? Она неожиданно попала в дом к красивому мужчине. Судьба?! Он, похоже, и впрямь собирается уходить. Может быть, как-то спровоцировать его на то, чтобы задержался... Вряд ли они еще когда-нибудь встретятся, а так... Она, Дана, уже не раз задумывалась над тем, что все-таки сможет родить ребенка. Ей почему-то верилось, что дело было вовсе не в ней... Впрочем, не стоит сейчас думать про Вовку... Да, но если не с Вовкой... то чтобы вождя ребенка заполучить, надо же как-то... что-то... с другим... Не на улице же первого встречного отлавливать? А тут вдруг такой случай выпал.

Дана еще раздумывала, как лучше задержать Артура дома, а он уже вышел из ванной, свежий, с чуть мокрыми волосами и в рубашке, очень ему идущей. Бросив быстрый взгляд

на часы, висящие на стене, хмыкнул, положил перед Даной на стол два ключа на колечке с брелоком в виде футбольного мяча и сказал:

– Все! Пошел! Дверь у меня такая, что не захлопнешь. Надо закрывать. От верхнего замка ключ длиннее. Будете уходить, закройте как следует... ну а ключи... ну... выбросьте, что ли... например, в Неву... чтобы никто подобрать не смог... Ну, или заходите как-нибудь в гости! Чаю попьем!

Дана не успела ничего сказать, а Артур уже выскочил за дверь, крикнув ей:

– Закройте за мной, пожалуйста!

После ухода Артура Дана сразу прошла в ванную. Хотелось побыстрее смыть с себя кладбищенскую грязь. Хорошо, что на ней сегодня легкое шелковое платье, которое и стирается легко, и высохнет мгновенно.

Чистых полотенец в шкафчике действительно было достаточно, а халат висел на прихотливо изогнутом крючочке один, что тоже понравилось Дана. Конечно же, у такого интересного мужчины женщины бывают, но их вещей он у себя не держит, что говорит о не очень сильных к ним чувствах. Уткнувшись носом в черную махровую ткань халата, Дана почувствовала легкий запах мужской парфюмерии и еще чего-то неуловимого. Наверное, так пахнет чистое тело Артура. Да, уж если заводить ребенка, так только от него! И ничего другого она, Дана, от него не потребует. Исчезнет из его жизни – и все! Да, но ведь его придется ждать здесь неопределенное время... А он может еще и раздражиться, если, вернувшись домой, застанет ее. А может и не раздражиться...

Приняв душ и простирнув платье, Дана закуталась в халат Артура и пошла разглядывать его квартиру. Обстановка была простая, но в этой своей простоте явно дорогая. Одна только огромная жидкокристаллическая панель, висящая на стене, наверняка стоит немалых денег. Включать телевизор Дана не захотелось. Непременно услышишь, как что-то где-то вышло из строя, взорвалось или обвалилось. Пока сохнет платье, лучше посмотреть фильм. Она прошла за стеллаж с книгами и возле экрана компьютера сразу увидела фотографию женщины в элегантной деревянной рамочке густо-коричневого цвета. Дана взяла фотографию в руки и ревниво вгляделась в женское лицо. Оно было красиво. И настолько, что мечта о ребенке, отцом которого станет Артур, тут же померкла. Никакая Дана даже и на время не нужна мужчине, у которого есть такая красавица. Поскольку вещей красавицы в квартире не наблюдается, значит, Артур ее до конца еще не добился, а потому их роман в самом разгаре. В общем, рассчитывать не на что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.